

ЧЕЛОВЕК

Теодор ШАНИН, ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук:

Для меня важно, что я в жизни не согнул колен перед человеком или Богом

«Великий незнакомец» — так называется четырнадцатисерийное телеисследование, съемки которого начинаются в эти дни на телеканале «Культура». Речь пойдет об истории и судьбах крестьянства России. Главный консультант проекта, как это ни парадоксально, английский профессор Теодор Шанин. Он много лет изучал проблемы российских крестьян. Одна из книг с результатами этих исследований и называлась «Великий незнакомец».

Свое первое интервью в Москве пятнадцать лет назад этот английский профессор дал «Известиям». Он тогда удивлял. Продолжает и сейчас. Его жизнь, состоящая из сплошных парадоксов, сложилась так, что он, родившись в одной стране, создавал другую, а за заслуги перед третьей получил награду от четвертой.

Валерий КОНОВАЛОВ

Без четверти три, через год

— Меня ждут в Китае, — сказал Теодор, — но я поеду чуть позже, примерно через месяц. Стоит язык выучить, чтобы разобраться, что там происходит.

— Вы что же, — не понял я, — за месяц собираетесь выучить китайский язык?

— Да, — согласился Теодор, — за месяц. Это не так трудно. Любый язык можно освоить довольно быстро. Если системно и для дела. Во всех языках активный словарь не так уж велик. К тому же обязательно есть группа слов интернациональных. Есть отраслевые термины. Есть ключевые слова. И есть логика языка, которую нужно понять. Когда мне для работы нужен язык, я его осваиваю без проблем. В том объеме, в каком он мне необходим.

Стало еще интереснее. И я предложил встретиться после Китая для нового интервью. Но оказалось, что в следующий раз Шанин собирался в Москву только через год. Тем не менее он был намерен сейчас же договориться о точном времени встречи, вплоть до минут.

Я пожал плечами: что там будет через год, тут в завтрашнем дне не уверен.

Теодор полистал блокнот, что-то прикинул:

— Так вот, можно именно в этот день. Если в четырнадцать тридцать — как вам?

Пожалуй, удобнее без четверти три, — сообщил я, как мне показалось, тонко.

Пришелец

Он тогда только появился в Москве, до этого был «невезедным». Ни одна советская газета о нем еще не писала. И наша беседа была первой.

Бритый наголо, весь в черном, профессор из Манчестера, с сильным акцентом, но виртуозным знанием русского, говорил о вещах еще непривычных. Открыл нам нашего гения Чайнова. Доказывал, что прогресс не обязательно лучшая перспектива. Убеждал, что мир идет не от неограниченного количества разнообразия к единому монолиту, а от одного разнообразия к другому. Применял к российской практике им же созданную науку — «крестьяноведение».

Абсолютно нездешний во всем, но при этом не похожий на иностранца в расхожем у нас представлении. Никакие рамки для него были не в пору. Очевидно, что он не только социолог. Да и вообще не только ученый. И даже не только англичанин.

За ним ощущалась необычайная судьба. Так оно и оказалось.

Случайная встреча

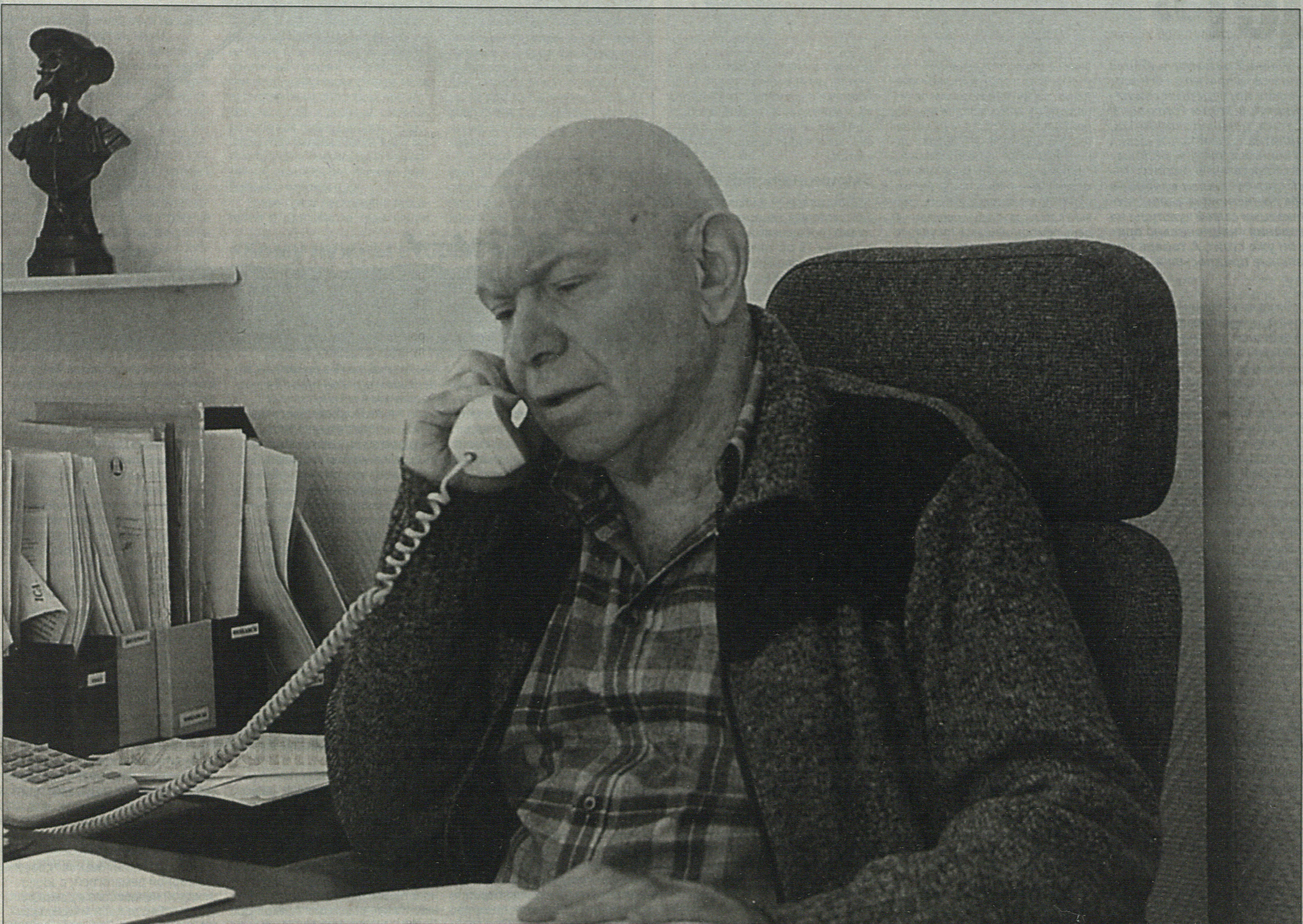
О назначенной через год встрече я конечно же забыл уже через пару дней.

Но надо же такому случиться. Зачем-то попал в редакцию старый блокнот и вдруг наткнулся на эту запись. Даже вздрогнул. Именно сегодня — тот самый день. Ровно год прошел! Посмотрел на часы — без двадцати три.

Тогда был такой порядок в редакции, что посетителя-иностранца приходилось непременно встречать у проходной лично. Так что ринулся я вынз.

Ровно без четверти в дверях появился Шанин. Не удивился, увидев меня.

Хотя в это время он все еще удивлялся необязательности и не-

точности, с которыми сталкивался у нас. Сейчас уже не удивляется.

Смерть и спасение

Из его биографии можно было бы составлять загадки для каких-нибудь конкурсов знатоков. Вот, например, как получилось: отец Теодора родился в России, мать — в Германии, сам он — в Польше, но при этом все они уроженцы одного города, который теперь — столица Литвы.

Жизнь не так забавна, как висторина. Вильнюс переходил из рук в руки. Но неизвестно при этом, что опаснее было для еврейской семьи. И случалось, что попытка спасти оборачивалась гибелью, а репрессия — спасением.

Когда в 1939-м в город пришли советские, отца вскоре отравили в лагерь на Урал, а девятилетней Теодора с матерью — в сибирийскую ссылку. Но в последний момент офицеру стало жалко малышку. Он пошел на нарушение предписания — сказал, что девочка может не выдержать крутого маршрута, пусть останется со стариками.

Они были благодарны офицеру. А ведь он, похалев девочку, обреч ее на смерть.

Город захватили немцы. Когда уже после войны Теодор и родители, воссоединившись после многих мучений, лишений и приключений, вернулись домой, они нашли только общую могилу, в которой среди 80 тысяч казненных лежали и дедушка с внучкой.

Коммандос

После войны они жили в Польше, потом во Франции.

Когда в 1947 году ООН приняла решение о создании на территории Палестины израильского и арабского государств, Теодору было семнадцать лет, он только что окончил школу. И уже тогда, судя по всему, был таким же, как сегодня. Умел точно анализировать и смело действовать.

— Мне было абсолютно ясно, что начнется война. Я решил, что обязан в ней участвовать, — говорит Шанин. — Чтобы сделать это, пришлось выдержать мольбы родителей, нелегально пересечь парочку границ и дважды солгать: что я на год старше и что дома оставил сестру — единственного в семье ребенка в коммандос не брали.

Именно в коммандос — израильский спецназ — вступил Теодор добровольцем. Впрочем, никакого Израйла тогда еще не было. Шанин прибыл на место за несколько недель до провозглашения еврейского государства. И с оружием в руках принял это государство создавать.

Получилось. Действия Теодора Шанина и его товарищей, операции, в которых они участвовали, вошли в легендарную часть истории страны. Он стал героем. Получил широкое признание. Но не только потому, что он стал кавалером ордена, но и своей особой логикой.

Не перестрелка, так перестройка

Собственные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, для Шанина всегда были весьма интересны национальных, государственных и каких-либо еще корпоративных. Затеившие маршруты его биографии диктовались именно этим.

Когда его спрашивали пятнадцать лет назад, почему он приехал в Россию, отвечал для многих странно, но для него самого логично:

— Чтобы поступать честно, не нужно особых причин. Если бы во время вьетнамской войны был призван, я бы пошел воевать против Америки. Во времена Испании, будь мне уже лет восемнадцать, был бы в интербригадах. Сейчас в России перестройка — вот я здесь.

Пацифист с автоматом

Вскоре представления о справедливости у Шанина и Израйла разошлись.

В 1956 году, во время Суэцкого конфликта, он снова отправился на фронт. Но уже был против войны и открыто убеждал всех, что война несправедлива.

— К счастью, — говорит Шанин, — эта война была непродолжительной. Но мое разочарование политикой Израйла продолжалось.

Привело оно в конце концов к тому, что Теодор уехал из страны, которую создавал. А через некоторое время стал знаменитым английским ученым.

Неожиданно оказалось, что британский характер созвучен Шанину и стилистически, и морально.

«О'кей, Теодор», — сказала Британия

Недавно английский королевская наградила профессора Шанина высшей наградой Соединенного Королевства — орденом Британской империи.

Формулировка королевского указа может кому-то показаться удивительной: «За заслуги в развитии российского высшего образования». Заслуги, выходит, перед Россией, а награждает Британия? Шанину этот парадокс чрезвычайно нравится не только потому, что он стал кавалером ордена, но и своей особой логикой.

— Для меня, как социолога, это необыкновенно интересно, — говорит он. — Ведь в мире, который все более становится националистическим, а часто и расистским, если ты что-то сделал для моей нации — это хорошо, за это тебя стоит наградить, а если ты это сделал для других — пусть они и награждают. Но есть логика цивилизации. И вот подтверждение, что Англия — цивилизованная страна. Меня наградили не за то, что я сделал что-то хорошее для Англии. Нет, за то, что я, Британский гражданин, сделал что-то хорошее. Показали, что я — гражданин цивилизованной страны, сказав мне лично: «Хорошо работаете, Теодор».

И пошла за ним Европа

Работа Шанина, которую таким образом оценила королева, — это Московская высшая школа социальных и экономических наук. Она действует уже восьмой год. Шанин ее придумал, создал и ею руководит.

Это был эксперимент. Он оказался настолько удачным, что по этому пути пошла вся Европа.

Болонский процесс, который теперь у всех на слуху, мы начали в Москве за семь лет до Болонского процесса, — говорит Шанин. — С самого начала я был убежден, что нельзя просто «парашютировать» определенную университетскую систему, выросшую на базе определенной культуры, в страну иной культуры. Зато можно интегрировать лучшее в британской и российской системах образования. Тогда и получится то, что у нас получилось.

В школе у Шанина многое для нас непривычно. Здесь не так ставят экзамены, не так ставят оценки,

не так построены занятия. Выпускники получают дипломы Манчестерского университета. Студенты-немокские получают стипендии. Есть и «взрослые студенты» — те, кто получает второе образование. Их Шанин считает самыми интересными студентами, потому что они лучше знают, чего хотят.

Впрочем, представления о взрослости тут тоже своеобразные.

— Наш студент становится молодым ученым, а не стареющим школьником, — говорит Шанин. — Это потому, что мы развиваем умение мыслить аналитически, а не просто запоминать. Учим управлять своими знаниями.

Вообще-то я заметил, что еще здесь, у Шанина, учат жить.

Продать душу — тоже выход

Мы опасались, что наши выпускники, имея такой авторитетный диплом, будут уезжать из России, — признался Шанин. — Но это не так. Да, есть некоторые, кто доволно успешно работает в других странах. Но большинство действует здесь. Они нужны здесь, и мы их к этому готовим.

Жизненные установки для этого ректор Шанин считает не менее важными, чем профессиональные. Профессия для него вообще категория переменная.

— Своим студентам я сразу же говорю: разница между моим поколением и вашим в том, что в наше время человек осваивал в институте профессию, с которой оставался сорок лет, а если вы не поменяете профессию четыре раза за жизнь, я буду удивлен.

А еще он убежден в тесной связи профессионального и нравственного. Запас знаний и умение их использовать считает защитой от искушений.

Школа должна дать уверенность в том, что можно справиться с трудностями без того, чтобы продать душу дьяволу, — говорит он. — Потому что продать душу — это тоже один из способов справиться с трудностями. Так — в каком обществе, а в России современной особенно.

Закрытый коридор

— Но что же случилось? — спрашиваю я Теодора. — Ведь приезжали-то тогда вы в Москву не за этим. Чайновские идеи, крестьян-

ство, перспективы российского села вас занимали. Какие огромные уникальные исследования у нас

провели! А теперь что же? Проблемы образования отвлекли?

Шанин в разговорах, даже спорах почти не меняется в лице и чувств своих не выдает. В этом он вполне англичанин. Но тут я чувствую боль, которая проступает сквозь его логичные и лаконичные объяснения. То ли ученого, который поневоле расстается с объектом своего исследования, то ли человека, которому русский крестьянин стал близок.

— Тут вот какая история, — говорит он. — Тогда для российского сельского общества возник широкий коридор, то есть возможность разных форм развития.

Мне, как ученому, это было очень интересно. И интересно в этом участвовать. Но этот период прошел. Коридор закрылся, стал узким. Сельское хозяйство быстро идет в сторону поляризации, создания жесткой структуры, когда большинство земель переходит к небольшому количеству людей, которые контролируют производство, где сугубо рыночное сельское хозяйство становится нормой. И это уже необратимо. На определенный период. У меня нет сомнения, что это приведет к кризису сельского общества. Но это дело будущего. И тогда придется принимать решения. Но сегодня сельская тематика для меня, как ученого, стала неинтересной.

Нет решения — это решение

— Где же точка или решение, которые повернули село в узкий коридор? — спрашиваю я крестьяноведа Шанина.

— Точки нет, — объясняет он, — есть процесс. А решение... Очень часто в России решение принимается тем, что нет решений. Так и здесь. Не было, например, никакого решения в вопросах кредитов сельскому хозяйству, которые могут попасть не только в руки крупных хозяйств. Не было решений о помощи фермерам выжить. Не было решений о создании системы обеспечения и обучения мелких хозяйств, подобной английской экстеншен-сервис. И много чего еще.

Он пожимает плечами и пьет чай.

Не говори «никогда»

Но я не отстаю. И все-таки хочу услышать, неужели покончил навсегда Шанин с наукой, им же созданный? — спрашиваю я. — Ведь приезжали-то тогда вы в Москву не за этим. Чайновские идеи, крестьянство, перспективы российского села вас занимали. Какие огромные уникальные исследования у нас

провели! А теперь что же? Проблемы образования отвлекли?

Шанин в разговорах, даже спорах почти не меняется в лице и чувств своих не выдает. В этом он вполне англичанин. Но тут я чувствую боль, которая проступает сквозь его логичные и лаконичные объяснения. То ли ученого, который поневоле расстается с объектом своего исследования, то ли человека, которому русский крестьянин стал близок.

— Тут вот какая история, — говорит он. — Тогда для российского сельского общества возник широкий коридор, то есть возможность разных форм развития. Мне, как ученому, это было очень интересно. И интересно в этом участвовать. Но этот период прошел. Коридор закрылся, стал узким. Сельское хозяйство быстро идет в сторону поляризации, создания жесткой структуры, когда большинство земель переходит к небольшому количеству людей, которые контролируют производство, где сугубо рыночное сельское хозяйство становится нормой. И это уже необратимо. На определенный период. У меня нет сомнения, что это приведет к кризису сельского общества. Но это дело будущего. И тогда придется принимать решения. Но сегодня сельская тематика для меня, как ученого, стала неинтересной.

Странные ответы на забытые вопросы

— Все забывал спросить: а китайский-то тогда, пятнадцать лет назад, вы выучили?

— Нет. Нашелся очень хороший переводчик — китаец с отличным английским. Отпала необходимость. А ненужную работу я делать не люблю.

Раз уж это выяснили, надо и другие вопросы задать, которые за пятнадцать лет знакомства как-то не удосужился. Что читает, как отдыхает, с кем дружит.

Отвечал Шанин большей частью для меня неожиданно. Никак я не мог, например, представить, что у этого непростанно колесящего по миру человека любимый уголок — Камчатка. А там — Нальчикский парк, по которому он проходит как хозяин.

— Там ведь моя фотография, между прочим, висит, — сообщает Шанин, — как одного из создателей парка, чем я сильно горжусь.

Он завязывает театр. В музыке больше всего любит слушать Прокофьева. А книга любимая у него одна. Но какая!

— Три романа я считаю одним произведением: «Игру в бисер» Гессе, «Сто лет одиночества» Мар-

кеса и «Мастера и Маргариту» Булгакова. Такая вот странность: для меня они сливаются в одно целое. И, пожалуй, как-нибудь я мог бы убедительно объяснить почему.

Как уходят друзья

— Среди моих друзей довольно много таких, которые живут так, как я живу, — сказал Теодор. — И поэтому многие мои друзья погибли.

Особенно близок ему был чилиец Орландо Летельер. Он возглавлял институт, с которым Шанин сотрудничал. Они одногодки и оказались удивительно схожи во вкусах, взглядах на жизнь.

— Орландо был последним министром обороны Республики Чили, — рассказывает о друге Теодор. — Его не убили во Дворце, потому что Альенде сказал: иди отоспись, ты уже неделю здесь, завтра придеешь — за ночь ничего не случится. А ночью как раз случилось. К нему потом ворвались в дом — помолости ребра, бросили в лагерь. Но все-таки выпустили из Чили — ведь его знали все президенты, он был до этого министром иностранных дел. В эмиграции он стал центральной фигурой зарубежного фронта сопротивления.

Последний раз они встречались в Лондоне. Орландо рассказывал другу, что перевез своих двух сыновей из Италии в Восточную Германию.

— Я удивился, — вспоминает Шанин. — Зачем? Там ведь серо и скучно! Он сказал: это так, но в Италии недавно убили двоих наших, а там ребята будут в безопасности. Тогда я спросил: а как насчет тебя? Он засмеялся: кому-то и работать надо. Через неделю под его машиной в Вашингтоне взорвалась бомба.

Что же из этого следует?

Мы никогда прежде не говорили с Теодором о вере. Что вообще понятно — дело это глубоко личное, интимное. Но почему-то мне казалось, что Шанин должен быть религиозным человеком.

И я ошибся.

— Я атеист, — сказал Теодор. — С двенадцати лет. До этого меня воспитывали в религиозном духе, особенно дед. Но однажды я решил, что религия несовместима с наукой. И сказал об этом маме. Она спросила: что же из этого следует? Я сказал, что больше не буду молиться. С тех пор так и живу.

— Так — это как? — спрашиваю я.

Две заповеди

Шанин рассказал, что лет сорок назад он определил для себя фундаментальные принципы в отношении к миру. А недавно пересматривал их и понял, что ему нечего ни добавлять, ни изменять.

— Тогда я поставил себе вопрос: есть ли вещи, которые являются для меня абсолютными ценностями? Продумывая это, я начал с десяти заповедей. И пришел к тому, что, собственно говоря, ни одна из них не абсолютная ценность для меня. Они являются ценностями, но не абсолютными. Скажем, «не укради». Я был замешан в воровстве в детстве, когда в ссылке помогал ребятам сбывать краденый хлеб, чтобы прокормить семью. И мне не стыдно. Так что я держусь этой заповеди: мне доверять, и не зря, огромные суммы. Я не отступаю и от других заповедей, но они не абсолютны для меня. Что же тогда? И так я нашел две абсолютные ценности, которые остаются для меня таковыми и по сей день.

Одна из них, вторая: быть добрым другом друзьям. Дружба как абсолютная, а не переменная ценность. А первая... Ее точно описывают слова из книги про Маккавеев, которую я читал в детстве: «И ты не согнешь колена перед человеком и перед Богом, потому что рабами мы были в земле Египетской». Очень глубокие слова, если вдуматься. Их говорят люди, бесконечно преданные Богу, но получаешь: одно дело — абсолютная преданность, а другое — не согнуть колена. Это необыкновенно драматический взгляд на действительность. И я его принимаю. Для меня важно, что я в жизни не согнул колен перед человеком или Богом. И надеюсь таким уйти в мир иной.

— А что, Теодор, — спрашиваю я, — когда вы, атеист, говорите «продать душу дьяволу», «уйти в мир иной», это как — метафора? Шанин молчит, потом отвечает без всякой интонации.

— Это метафора.